

Хаусхофер К. Панидеи в геополитике

Karl Haushofer, Geopolitik der Pan-Ideen ("Weltpolitische Bücherei". Bd 21. Berlin, 1931)

ГЛАВА VIII

Панидеи и международная организация; между лигой наций и национализмом

Придирчивое исследование показывает, что панидеи, учитывая время и пространство их рождения, получали различные по пространственным потенциям жизненные ростки в зависимости от того, какая тенденция брала верх в отправной точке – рационалистическая или же идеологическая, в зависимости от того, каким было родовое (Kernraum) пространство – узким или широким, малым или большим, испытывающим избыточное давление центром, как Европа, или же обескровленным и пустым, изголодавшимся по людям (dead heart¹ Азии, Австралии; "wide lone lands"² Северной Америки и Австралии; гилея Южной Америки, Африки). Можно также различать искусственно вызванные к жизни продуманной государственной мудростью в качестве инструмента упомянутые панидеи вроде пантихоокеанской, которые по природе своей являются эволюционными (как в большинстве случаев океанские образования), и порожденную недовольством, революционную по природе вроде паназиатской, которую, конечно, никто не назвал бы искусственной в силу ее изначальной спонтанности.

Однако сообразно своему происхождению и унаследованному характеру панидеи в совершенно различной степени подходят для поддержки международной организации в зависимости от того, к чему они ближе – к Лиге Наций или к национализму. Панидеи островных частей Света, крупных ландшафтов, как панамериканский или панавстралийский, вполне самодостаточны, склонны к автаркии, к изоляции: они забывают о том, что миллиарды людей не захотят умирать с голоду, не смиряются с "недопущенными к заявке" ("ausgeclaimten") резервными пространствами, закрасненными в атласе красным цветом, – только потому, что эти пространства когда-то, во время успешных морских разбоев, были приобретены под видом главного правооснования, когда не поступало иных настойчивых заявок, продиктованных высочайшей заботой о лучшем использовании пространства и об уходе за ним. Носители морских панидеи, чья сила основана на разбросанном владении (Streubesitz), с трудом понимают, что целые части Света неохотно расстаются со своей "золотой

бахромой на нищенском рубище" (Азия, согласно лорду Керзону) и требуют прекращения чужеземной эксплуатации. Оттого и трудности для иберов, голландцев, французов, британцев воздать должное паназиатскому движению, которое со своей стороны используется Советами, чтобы "держать в брожении" обширные азиатские пространства (ленинский завет Китаю!).

Далее, из выражений "mare nostrum" и "orbis terrarum"³, присущих мышлению Древнего Рима, понятно, что в господствовавшем там латинском языке нет общепринятого обозначения для понятия "наднародный", "наднациональный", производимого как международное. Однако примечательно: ведь органически живущая линия развития, которой принесли политико-морфологическую жертву и централизованно сплоченные нации, а не только прочие, чужда латинскому пространственному мышлению. Об этом напоминает принимавшая разные формы, потерпевшая крах панидея, слишком трудная в его восприятии.

Германское государственное мышление (Staatsdenken) испытало на собственном опыте одно такое панобразование, ставшее неумным (panlustig) лишь благодаря норманнской закваске англосаксонства, хотя и весьма способном к преобразованиям. Вопреки всем воплям по поводу Пангерманского союза⁴ и его влияния, которое было весьма скромным, это мышление никогда не проникало на европейскую континентальную почву в виде некоего панпредставления. В своей старинной "Священной Римской империи германской нации" собственную народную энергию к огромному ущербу для себя оно принесло в жертву "наднациональной" имперской идее, пока та не превратилась в иллюзию.

Из столь различных опытов становится ясно, что уже в Центральной Европе в этом коренном вопросе – о возможности будущего панъевропейского образования – нет понимания и еще меньше его в выработке понятия "права меньшинств"⁵, в связи с чем Мелло Франко обнаружил потрясающе простое в латинском восприятии решение: целесообразно как можно быстрее ассимилировать меньшинства! Вероятно, Южная Америка еще познает в связи с проблемой цветного населения, как такое решение скажется на ее собственной шкуре; но пока, правда, обнаруживается, что правомочие чуждых региональных сил участвовать в разработке пан-Европы на

пути, проходящем через Лигу Наций, должно быть так же отклонено, как его отклонила пан-Америка и ему отказывает пан-Азия.

Поэтому из многих трудностей, противостоящих образованию пан-Европы после создания Лиги Наций, с непредвзятой, географической точки зрения, выделены особенно легко постижимые.

Внутри и вне Европы слишком мало осознали, насколько важен вопрос о том, могут ли из ее круга предложить некое более или менее удовлетворительное региональное решение для Европы (как бы оно ни называлось ныне – пан-Европой, или Соединенными Штатами Европы (СШЕ), или всего лишь панъевропейским Таможенным союзом) наряду с подтверждением пригодности, свидетельством оправданности существования Лиги Наций, чтобы поспешное учреждение пан-Европы не стало все больше и больше работающей на холостом ходу говорильней, ярмаркой тщеславия на фоне поистине эффективных региональных крупных организаций.

Ибо принципиальное содействие жизнеспособной структуре панорганизации человечества (*Pangliederung der Menschheit*) должно быть все-таки свидетельством способности новых жизненных форм включиться в происходящий на поверхности планеты процесс становления и исчезновения! Конечно, пространство для развития от территорий к государствам, от недостаточно жизнеспособной, нуждающейся в опеке части земель к практическому союзу земли и народа – даже и в США! – ограничено. Но доминирующим процессам роста – повсеместно рассматриваемым в сравнении (карта жизнеспособности Заппера!) – противостоят все же процессы истощения, все еще далекие от состояния равновесия.

Итак, кто же представляет в Лиге Наций право, которое родилось вместе с нами и рождается ежедневно с новыми поколениями? В пантихокеанском, в паназиатском движениях имеются форумы, где это право на существование может быть доказано. И при этом также необычайно трудная разграничиваемость основных азиатских жизненных форм! Как велик, к примеру, Тибет? Имеет ли он 1,5 млн. жителей (Gotha), 3–4 (Sven Hedin)⁶, 8 (Chin. Jahrbuch)? Кому принадлежат с точки зрения международного права Танну-Тува, Монголия, Тибет? Какова территория самого Китая – менее 4 или же 10 млн. кв. км? Такие вопросы наводят ужас на панъевропейца. Однако поборники других панидей стараются найти приближенное значение, разумно правдоподобное для компромиссных договоренностей, исследовать, какая сила стоит за новыми образованиями. Но кто раскусит с этих

точек зрения, с таким широким “видением” (“*Vision*”) индийский, китайский, центральноевропейский вопросы, во многом столь родственные территориально, или же только динамику 562 индийских земель размером от государства до деревни, которая (динамика) должна обрести свое право при формировании панструктуры (*Pan-Gestalt*). Учитывая региональный характер панидей и возможность их трансформации, существующая структура Лиги Наций, следовательно, слишком формальная, окостеневшая, противоречащая также неуправляемой жизни, которая – при всех эксцессах – пронизана национализмом. Это должно внушать сомнение по поводу будущей силы и одного, и другого образований, и наиболее жизнеспособные панидей все больше склоняются к поиску согласия и компромисса с национализмом, чем с Лигой Наций и творчеством ее юристов и дипломатов. Что же из этого получится, если вдруг за ее спиной будут стоять не народы, а лишь правительства и юридические фикции? Как бесследно исчезли из современной истории бюрократически выродившийся германский бундесрат, несмотря на все собранные в нем таланты, и многие иные немощные собрания, даже если “Золотая (почетная) книга” о наследниках завершена и изгородь из параграфов поручилась за их вечность, за продолжение списка бессмертных?

Географическая наука выполняет компромиссную, посредническую роль между миром природы и миром духа, жизнью и бумагой, но проявляет недоверие там, где она обнаруживает, что природа улетучивается из конструкций, а неудовлетворенные пытаются на свой страх в другом месте взять свое. Она следит за проявлениями жизни на нетронутой Земле с большим доверием, чем за явлениями на бумаге, и находит в нынешней международной организации слишком много бумаготворчества, слишком много “ценного материала” и слишком мало жизни, а в развивающихся панобразованиях больше жизни, зато меньше бумаги, что иногда затрудняет их охват, их историческое разъяснение. Это с особой силой проявляется в паназиатском вопросе, от значения которого в китайских делах в противовес автору, однако же, долго отмежевывались, пока священный огонь с Юга в 1927 г.⁷ не перекинулся через Янцзы. Тогда, разумеется, негодовали по поводу противоправных способов борьбы Советов, младокитайцев, младоиндийцев, а также, конечно, геополитики, но лишь тогда научились сопоставлять себя с ней, ибо она существовала в гуще жизни, в мире, хотя еще и не в делах.

Истолкование международного права применительно к Лиге Наций содержится во многих

публикациях, наиболее выразительно это сделал, например, Штрупп⁸; вместе с тем имеются многочисленные жизненные проявления на поверхности Земли, о которых не говорится в книгах, но которые тем не менее следует знать и описать: они существуют, как существовали драконы острова Комодо, хотя наука отрицала это.

Налицо антропогеографический и геополитический факт: две из великих держав планеты, наиболее настойчиво занимающиеся внедрением панидей, вероятно, поэтому остались вне Лиги Наций – Советский Союз и Соединенные Штаты Америки; по каким прочим причинам, оставлю здесь неисследованным. И еще один факт в том, что одна великая держава – Советский Союз – не хотела пожертвовать своим местом в панрусской, вероятно, в еще незабытой панславистской, а также в евро-азиатской и паназиатской идеях без переходного периода (*Übergang*) между великой державой и планетарным союзом; другая – Соединенные Штаты Америки – не хотела пожертвовать своим отношением к панамериканскому, и прежде всего к пантихоокеанскому, кругу идей; она придавала значение американскому Срединному морю и Тихому океану, а не трансатлантическим связям.

Представление русских об осуществлении некоей панидей является чисто континентальным, даже надконтинентальным, трансконтинентальным наступательным движением из пан-Азии и далее в Европу, если вообще не панъевразийским, в их надеждах на мировую революцию – по меньшей мере.

Но в упоминавшемся американском панвоззрении воплощается континентальная панидея, идея “Нового Света”, и охватывающая Океан, в лучшем смысле “тихоокеанская” культурно-политическая и хозяйственно-политическая [панидея] в более высоком единстве, представляющем собой большую часть земного шара, надстроенную двумя его важнейшими, наиболее замкнутыми единичными пространствами. Ясно, что носителям столь крупнопостепенных надежд жертва далась бы с большим трудом; и во всяком случае показательно, что все государства, либо еще не присоединившиеся к Лиге Наций, либо безразличные к ней, уже при малейших разногласиях угрожавшие выходом из нее, либо отказывавшиеся платить свои взносы, короче говоря, питавшие к ней ничтожную степень привязанности, – за исключением Бразилии, – это все основные области, расположенные вокруг пантихоокеанского силового поля: Соединенные Штаты Америки, Советский Союз, Китай, Мексика, Япония, Австралия, Перу, Боливия, Эквадор и некоторые государства Центральной Америки – вероятно, с неосознанным, а

некоторые наверняка с глубоко осознанным чувством особого права (*Reservatgefühlen*) в пользу иных возможностей панобъединений, которыми они не хотели просто пожертвовать.

С этой имманентной силой двух самых крупнопостепенных и мощнейших панидей должна будет, следовательно, считаться Лига Наций, как и пан-Европа, и, вероятно, смириться с ограничениями своего влияния в будущем.

Ввиду статического приданого и склонности Лиги Наций все же, несомненно, существует более сильное избирательное сродство (*Affinität*) статически задуманных или ставших таковыми панобразований в противовес динамичным. *Австралийское панобразование* с одним голосом (вместо семи, которые следовало ожидать по другим представлениям – например, по канадскому и упоминавшемуся американскому) под руководством Британской империи, в то время уже находившейся на стадии расчленения на доминионы, вошло в Лигу Наций и получило от нее мандат. При этом, правда, стало ясно, что пан-Австралия не была в полном значении панидеей, завладевшей вниманием частью Света, но – вследствие нехватки населения – оставалась в сущности лишь панидеей части пространства, штата среди равноценных союзных штатов. Как таковая пан-Австралия сидит на одной скамье рядом с Южной Африкой, Новой Зеландией, Канадой, никогда не домогавшимися ранга панобразований.

Пан-Европа, хотя и была встречена при первом с точки зрения международного права выступлении в Женеве с недоверием, все же вышла из среды Лиги Наций и была задумана в качестве антидинамического хранителя статус-кво; по крайней мере пока что в связке с Африкой, а не с иными владениями, рассыпанными в других частях Света.

Пан-Америка представляет собой в чистейшем виде региональный промежуточный тип между народностью, нацией, империей и всей поверхностью Земли; она вела себя учтиво, когда в Лиге Наций рассматривался конфликт между Боливией и Парагваем или вопрос о Чили – Перу – Боливии, но весьма категорично заявляет, что вопросы “Нового Света” Новый Свет желает улаживать без, разумеется, бестолкового вмешательства (ср. Мелло Франко и европейские меньшинства!) других крупных ландшафтов, т.е. отвергает операции, на которые, с другой стороны, претендует как на свое право часть панамериканцев с далеко идущими целями в отношении хитроумного, малопостепенного сооружения Европы.

Напротив, ясно выраженная воинственная позиция *панидеи Азии* – и многих частей ее

пространства, стремящихся к панобразованию, – объективно определима в противоположность [позиции] так легко от всего отказывающейся, неспособной к динамике Лиге Наций (греко-турецкие, китайско-японские разногласия; вопросы Бургенланда, Италии, греческий, мемельский вопросы, проблема Верхней Силезии, китайско-русский спор); *пантихоокеанская идея* в противовес панамериканской принимает Лигу Наций с поднятым еще на одну ступень безразличием и неприятием. Она решительно ставит Тихоокеанский регион над планетарной структурой и признает за США преимущественное право транстихоокеанских обязательств перед трансатлантическими.

Если мы сопоставим степень оформленности панидей в соответствии с их формальным проведением в жизнь (статикой) и их потенциальной энергией (динамикой), которую они способны высвободить, то получается совсем иной порядок по величине и субординации.

Признанная извне в международно-правовом отношении и структурно определившаяся внутри в государственно-правовом отношении, пока как существенная незавершенная часть Света, готовая к инкарнации, хотя также и звено более крупного, на глазах сливающегося целого – такова *Австралия*; однако еще включенная как звено в австрало-азиатский обширный комплекс и в тихоокеанское окружение.

Признанная извне в международно-правовом отношении (ибо всё подчинено доктрине Монро), но лишь на отдельных направлениях внутри обособившаяся и выстроенная, определенно объявленная неполитической – такова *панамериканская идея* с реальным англосаксонско-иберийским, преждевременно родившимся расколом внутри и отягощенная серьезными проблемами, касающимися расовых отношений и жизненной силы.

Проявляющая инициативу в международно-правовом отношении, но без гарантии на успех, глубоко увязшая в трудностях, коренящихся в национальном принципе и чувстве национального суверенитета (идеи самоопределения), и отягощенная почти неразрешимыми проблемами меньшинств – такова *пан-Европа*.

Однако далеко превосходящая по жизнеспособности все три, занятая контригрой с огромным по численности населением, становящимся революционным, с советской идеей, с одной стороны, связанная со стремлением к самоуправлению миллиарда жителей муссонных стран – с другой, – такова *паназиатская идея*; и культурно-политическая, явно искусственно вызванная, но геополитически обоснованная пантихоокеанская компромиссная идея. На их пересечениях

народятся в будущем крупные политические и социологические движения человечества, здесь сконцентрированы самые большие культурно-политические задачи столетия, а именно интеграция древней азиатской культуры в мировую культуру и повторное включение 22 млн. кв. км русских земель в мировое хозяйство.

Наиболее сильно отстает в пандвижениях Африка – несмотря на случайный шум в литературе, который зачастую исходит от американских негров, – и, пожалуй, дальше всего отстоит любая возможность частичной организации паназиатских структур – вопреки Лоуренсу⁹ – на Ближнем Востоке (мозаика мандатов; Палестина; борьба среди арабов; панисламизм; Суэц).

Азия (самое большое сухопутное пространство) и *Тихий океан* (самое большое морское пространство) голосами своих местных лидеров ясно ставят, однако, свои особые вопросы через Женевскую всемирную организацию. Раздраженные этим, а также опасаясь за владения, расположенные в районах, где действуют таким образом особые региональные образования, представители панъевропейского мышления испытали желание ускорить роды. Именно Бриану пришлось, естественно, облечь с немалым трудом свой отказ от добрых услуг Парагваю в благоую форму; во Франции достаточно дальновидных колониальных политиков, усмотревших в визите флота США “разрушительное действие для французского престижа в Океании”, а в волнениях в Южном Китае и в последствиях предоставления свободы Филиппинам¹⁰ и нынешнюю опасность, и осложнения в будущем для Индокитая.

Еще острее вырисовывается опасное положение дополнения пан-Европы в австрало-азиатском Среднем море в противовес эволюционному компромиссному стремлению пантихоокеанско-го направления, как и в противовес революционному, бьющему ключом паназиатскому развитию событий; при этом наследники права на власть или экономические империалистические владения – старые колониальные державы стали бы, естественно, еще больше теснить друг друга, а Британская империя, особенно под руководством лейбористов, предпочла бы компромиссный ход событий и ищет путь присоединения к американцам. Однако США умеют уклоняться от нерегионального колониального фронта; другие же без тяжелейших потерь – нет.

Обнаруживается относительное бессилие государственных и международно-правовых конструкций в отношении народных и расовых пристрастий преимущественно там, где обостряются расовые и классовые противоречия, как в важных частях Южной Америки (Боливия, Мексика,

Бразилия...), а также в американских южных штатах, в Южной Африке (вопрос о банту¹¹ и индийцах¹²), на стыке австралийского Сообщества с муссонными странами. Далее, в соответствии с законом пространственного роста государств обнаруживается, что силовые поля, где противоречия должны доходить до конца, сильно расширяются и из государства и империи перемещаются в региональные ответвления панобразований. Это наиболее сильно и болезненно ощущается в скромных по размерам пространствах Европы и Ближнего Востока, а также в изувеченных жизненных пространствах¹³, лишенных влияния за морями и воздействия на растущие автаркические крупные пространства.

От “Града Божьего” (“De civitate dei”), от “действующего закона” (“de lege lata”) не ведет больше никакой путь ни к пятилетке (пятилетний план Советов), ни к Неру, ни к Сунь Ятсену; доклад Саймона¹⁴ появился слишком поздно как основа “lex ferenda”¹⁵. Сможет ли пан-Америка, сможет ли пантихоокеанский круг, – который мог бы быть посредником, – преодолеть свое равнодушие к крупнейшей панорганизации или нет? Это вопрос о всемирном союзе!

Выполнит ли Лига Наций в своем нынешнем составе, хотя бы в свете способности классифицировать панидеи, – здесь осознанно не рассматриваемые ни в каком ином ракурсе, – требования, которые она должна была бы выполнить в духе естественных наук, а не формально-гуманитарным путем, для образования этого важного регионального промежуточного звена между “подданством” (“гражданством”) (“Nationalitat”) и мировым союзом или же не выполнит? Приближит ли ее промежуточное образование вроде инициативы Бриана к этой цели государственно-биологической жизненной необходимости или нет?

Таковы, собственно, два главных вопроса, которые Европе следовало обдумать по крайней мере как самые важные между Троицыным днем и 15 июля 1930 г. Уже постоянное запаздывание британского парламента, находящегося под двойным бременем – как внутренних вопросов, так и вопросов строительства империи, – могло бы побудить к частичному ответу. Это не дело, что тот же самый консультативный организм в одном своем качестве служит более крупному, широкому и многоликому пространству на всей поверхности Земли, а в некоем другом (в то время как Америка, Азия, Австралия исключаются) – непосредственно небольшой части пространства: Европе! От законов пространственного мышления должна страдать то одна, то другая функция; идет ли ныне речь об отношении Афинского народного собрания к городс-

кой казне и к казне Делосского союза¹⁶(когда в Афинах в конечном счете были построены мраморные здания вместо кораблей для Союза); или о римском сенате (верили, что необходимые социальные успехи империи возможны при римской городской склонности убивать ножками стула); или же о британском имперском парламенте (который быстро забыл про улицы собственного отечества из-за восстания в Индии¹⁷ или о своевременных реформах трудовых отношений, затрагивающих 325 млн. человек); или о принятии во внимание возвышенных советов в адрес Женевы, с одной стороны, для всего мира, а с другой – только для Европы и Африки!¹⁸ Тот, кто мыслит категориями частей Света, не может быть дома соразмерным строительной моде маленького центральноевропейского городка; тот, кто ценит лишь европейские условия труда и культурные факторы, в муссонных странах попадет впросак и окажется несостоятельным. Это констатирует без какого-либо укора географ, которому не свойственно представлять сверхчеловека в усредненности, и поэтому он хотел бы ради будущего человечества освободить от нее и Лигу Наций для великих планетарных целевых установок, и пусть это делается через региональные подвижки изборожденных панидей и их носителей.

Примечания

¹ Мертвое сердце (англ.).

² Обширные пустые земли (англ.).

³ Mare nostrum (лат.) – обозначение Тирренского моря после завоевания Сицилии (241 до н.э.), Сардинии и Корсики (238 до н.э.). Orbis terrarum – синоним Orbis Romanus – Римская империя.

⁴ См. примеч. 21. С. 262–263.

⁵ В данном случае автор выражает свое отношение к “Акту о меньшинствах”, положения которого, касавшиеся защиты и обеспечения национальным, религиозным или языковым меньшинствам справедливых и приемлемых условий жизни, были включены в мирные договоры, завершившие первую мировую войну, а также в договоры, заключенные в более позднее время “главными союзными и объединившимися странами”.

⁶ Свен Гедин – шведский исследователь. Совершил несколько экспедиций в Азию. Первая была посвящена исследованию Тянь-Шаня, Памира и пустыни Такла-Макан, во время второй (1902) прошел через эту пустыню до тибетского священного города Лхасы, переодевшись монахом. Путевые заметки Гедина вызвали широкий общественный интерес.

⁷ См. с. 339.

⁸ См. с. 260.

⁹ См. примеч. 18. С. 276.

¹⁰ См. примеч. 18. С. 301.

¹¹ Банту – крупнейшее племя Экваториальной и Южной Африки.

¹² См. примеч. 7. С. 349.

¹³ Автор имеет в виду прежде всего Германию.

¹⁴ См. примеч. 17. С. 289–290.

¹⁵ С точки зрения закона, издание которого желательны (*лат.*).

¹⁶ См. примеч. 12. С. 78.

¹⁷ 29 декабря 1929 г. Индийский Национальный Конгресс выдвинул требование к правительству Великобритании о предоставлении Индии независимости. После того как это требование не было выполнено, Ганди организовал кампанию гражданского неповиновения.

¹⁸ Имеется в виду предложенный Аристидом Брианом проект пан-Европы.

ГЛАВА IX Планетарное будущее панидей

Решающий ответ на вопрос о правомерности существования панидей между современными великими и малыми державами и поистине дееспособной всемирной организацией, которой у нас еще нет, будет попросту зависеть от того, смогут ли панидей служить мостом или препятствием к решению главной проблемы физической антропогеографии: справедливого распределения становящейся все более тесной Земли сообразно ее производительности для всемерного развития деятельности по освоению пространства и его способности нести нагрузку. Приведет ли такое развитие к подлинному миру во всем мире или же снова ввергнет его в борьбу за существование только уже между более крупными пространствами и с еще более страшными последствиями для человечества?

Как относятся отдельные панидей к проблеме цвета кожи и к расовой проблеме и к тому, что совершенно по-иному должны использоваться богатые водными ресурсами тропические земли – единственный крупный естественный резерв питания быстро растущего человечества? Можно ли вообще привести панидей к общему знаменателю, упорядочить их на одной плоскости, и как они противостоят при этом становящемуся все более тесным пространству, все более жгучей на другой стороне настоятельной воле к жизни, – не говоря о некоторых немногих местах, по сравнению с целым ничтожных, жизненно важных лишь для озадаченных?

Является ли равное уважение ко всему братскому роду человеческому, любовь к ближнему (в чем христианство совпадает дословно с подобным в государственной философии Конфуция, а именно “что между истинно образованными нет никаких расовых различий”) до образования панидей в пространстве убедительной истиной или же красиво звучащей ложью? Заключительный аккорд в последнем вопросе о

планетарном будущем панидей затрагивает самые глубины индивидуальной и массовой души, куда мы должны проникнуть, если хотим быть честными и исчерпывающе обсудить нашу важную тему.

Конечно, мировая война – в этом отношении лишь простое звено каузальной цепи, ни причина, ни голый симптом, ни даже завершение – с ее и во зле, и в добре повсеместно возрастающим влиянием вызвала также развитие опыта пространственных образований панидей и таким образом уплотнила годы и десятилетия, что, вероятно, без этой поддержки еще десятилетия и столетия не спешили бы. Но ее способ безжалостного раскручивания исторически происходящего уподобляется в этом отношении изображению пшеничного поля или луга с помощью цайтраффера: в самом по себе процессе и биологическом насилии над ним или политической бесцеремонности ничто не изменится от сильного уплотнения вследствие замедленной кино съемки или нерезкого растягивания с помощью ускоренной.

“The rising tide of colour against white supremacy” (“Вздымающаяся волна цветных против господства белых”) (Стоддард) – ведь ни на одной глубоко вовлеченной в волнение во время мировой войны территории она (волна) не просматривалась и так беспощадно не изображалась, как в выигравшем войну Нью-Йорке, равно как в труде Мэдисона Гранта “The passing of the great race” (“Кончина великой расы”), который подобно Л. Стоддарду “Race realities of Europe” (“Расовые реальности Европы”) считал вправе именно Германии высказать так много неприятного относительно ее “алышнизации”. Следовательно, большая доля преувеличений в расовом вопросе была привнесена к нам из Америки со всей непосредственностью, свойственной США.

А на другой стороне – содержательная, добротнейшая работа В. Шаллмейера “Vererbung und Auslese” (“Наследственность и отбор”), где на основе опыта, в том числе и моего, высказаны соображения о расовой гигиене (Rassenhygiene) древнейшей из культурных наций (китайской) и об объединении государств в интересах расовой гигиены, остается почти без последствий. Уже такое противоречие могло бы вызвать у нас подозрение, должны ли мы безоговорочно доверять преувеличениям ускоренного цайтраффера в вопросе панидей. Некоторые определенно широкозадуманные американские работы по расовым вопросам были сознательно рассчитаны на успех и исходили из совершенно ясных посылок, связанных с политическим влиянием законодательства США об американских переселенцах. Это благое право их авторов: только не

следует думать, что эти работы возникли на пустом месте.

Тот, однако, кто воспринимает Землю как единое целое, отдает себе отчет в том, что при растущей перенаселенности ее поверхности и попытках оценить ее почвы превалирующую роль, согласно Пенку¹, играет последний, самый крупный резерв обильно увлажненных тропических земель, который следовало бы непосредственно принять во внимание. Кто же может в таком случае вспахать и обработать пригодные для культивации тропические земли, подобно тому как были освоены в течение двух тысячелетий плохие в своей основе земли Германии, пока они не стали приносить урожай, многократно превышающий получаемый в других местах? Ответ таков: тот, кто сумел до сих пор приспособиться к этим почвам или в лучшем случае – слишком устремленная, смешанная раса, которая соединит хорошие качества, воспитанные умеренной зоной, с работоспособностью в тропиках.

С этой точки зрения волей-неволей следует иными глазами посмотреть в свете будущих панидидей на некоторые вопросы заокеанских расовых смещений и переселений и сказать себе: абсолютная исключительность расы обрекает ее на гибель в результате инцухта¹ и на долгое время исключает из широких земных пространств.

Таков ход мыслей, которые мне убедительно преподнесли выдающиеся знатоки заморских тропических областей в теории и на практике (например, Шлюбах, Заппер, К. Росс). Если белая раса, Европа и Северная Америка – о горстке белых в Австралии и Океании речь не идет – будут длительное время держаться в стороне от этих идей, то они понесут такие потери пространства в решающих для будущего, производящих продовольствие землях, что в конце концов белая раса захиреет от безработицы в нескольких промышленных резервациях, изолировав себя от самодостаточных экономических организмов, основанных на враждебных Европе панидидей, и будет пользоваться лишь их излишками.

Такие процессы происходят не так быстро, как морочили голову в перегретой и взвинченной послевоенной атмосфере. Италия времен поздней Римской империи также сумела выжить в своем крестьянском состоянии и в течение нескольких столетий кормить самую себя. Однако в конце концов загубила себя, как Ирак, ставший городским поселком вокруг Багдада, как Кампанья, из которой великий город Рим высосал жизнь, не заботясь об обновлении. Другие части империи, разоренные ранее с жизнеспособной панидидей, еще держались вместе и обеспечивали

себе пропитание благодаря флоту, перевозившему зерно, и караванам с данью столичной черни там и здесь, пока эти части империи не наводнили фореиторы² новых панидидей или устали кормить дармоедов. И тогда рано или поздно появлялся какой-нибудь [человек], кто кричал, обращаясь к слишком многим: “Чем гуще трава, тем легче косьба”; и он косил в местах скопления незащищенных и ничего не стоящих людей – Александр, Аларих, Чингисхан, Наполеон, Ленин. Если бы это был способный к созиданию человек, то за ним, вероятно, последовала бы тень, которая связала бы по духу через настоящее с будущим затонувшую панидею, как это сделали гениальный китайский министр монгольского завоевателя³ или паназийцы Университета имени Сунь Ятсена в Москве⁴.

Перед новыми властями всегда возникала в таком случае задача освоения изнутри захваченных штурмом пространств; и на этом поле мы можем воспользоваться ценным четырехтысячелетним опытом китайской культуры с ее преодолением и ассимиляцией столь многих панидидей, а не только опытом застывшей Китайской стены, которая защищала поистине великокитайскую идею путем животворного пояса высокооразвитой, способной обороняться крестьянской зоны.

Всегда существуют способность к живой, гибкой, а не застывшей охране границы, к охраняемой жизни, а не к безопасности на бумаге, с одной стороны, и захват земель по внутреннему праву – с другой, право на землю, исходя из глубочайшей, основанной на обычае, кровной связи, углубления (*Vertiefung*) в нее самое, что, как нам кажется, гарантирует прочность пространственных образований при осуществимых панидидей.

В этой связи играет выдающуюся роль их способность присоединять пространства иного рода, приходиться к добровольному сотрудничеству, использовать в общих интересах как вид альменды. “Не заграждай рта волу, когда он молотит!” Древняя хозяйственная мудрость Ближнего Востока преподносит здесь замечательный, часто игнорируемый ключ также к успешному формированию панидидей в их естественных и расчлененных пространствах.

Одной из более или менее всесторонне обдуманых частных проблем из числа главных в физической географии, как и планируемой во всемирном масштабе внешней политики и мирового хозяйства, выступает проблема совместного использования колоний панобъединений, как это было предложено пан-Европой в особенности в отношении Африки. Однако и она, видимо, – после неожиданной развязки ситуации с остат-

ком разбросанных владений европейских континентальных держав⁵ – положена в основу отношений владения внутри других панобразований, на карте пан-Европы Куденхове-Калерги обозначенных черным цветом. Здесь находится нравственно и материально в высшей степени трудное и ответственное решение для не обремененной больше империализмом части панобъединений.

Нельзя при этом допустить, чтобы эта часть панобъединений оказалась под влиянием – поразному манипулирующих теорией и практикой – идеологии Советского Союза или лицемерия англосаксов! На все вновь и вновь декларируемый и так мало соблюдаемый нравственный уровень этих владеющих огромными пространствами земли ростовщиков (22, 36,3 или, быть может, 30,2 млн. кв. км плохо ухоженных, в значительной мере малозаселенных полезных площадей) пан-Европа никогда не могла бы вознестись, даже если бы она разместилась на 26,5 млн. кв. км с пришедшими к согласию 430 млн. населения, как полагает Куденхове-Калерги⁶. Вероятно, должно быть не более 4,5 млн. кв. км! Но нужно было бы – при четком деловом контроле столь безобидных набросков, как карта пан-Европы, – исследовать, где пространства действительно нуждаются в развитии с помощью чужеземных сил, чтобы выполнить свои обязанности по использованию земли, или где гнев, вызванный подавлением права на самоопределение, как, например, в Индонезии, Индокитае, рецидив естественного длительного натиска вопреки ее природе на 11,78 млн. кв. км якобы 408 млн. населения (в действительности 540!!) ужатой Восточной Азии такое совместное использование обременяет ответственностями, которые станут скорее еще большей обузой в будущем, чем какой-либо нынешней выгодой, и угрожающие динамические переоценки напрашиваются сами собой. В этом вопросе в отношении пан-Европы сразу же началась бы географическая критика в стиле той, которой упражнялись на тихоокеанских встречах.

Однако если мы исследуем, учитывая эти точки зрения, что, например, должна вложить Франция – инициатор панъевропейского объединения, самая богатая колониями среди континентальных держав пан-Европы, в европейское панпредприятие при таком колониальном дебете и кредите, да еще имея приданое, находящееся внутри пантихоокеанского, паназиатского и до поры до времени обозначенного лишь в общих чертах панмалайско-монгольского и панамериканского бассейнов, то обнаружится даже при беглом рассмотрении, что выравнивание по ценности и бремену вовсе не понятно. Здесь пан-

Европа владела бы лишь находящимися под угрозой внешними постами, для которых в дальнейшем потребовалось бы основательное силовое подкрепление.

Иначе обстоит дело с внушительной пространственной массой замкнутой североафриканской колониальной области, имеющей приблизительно 3.739.202 пригодных для обитания кв. км и примерно 13,5 млн. человек населения (при средней плотности 3,62 человека на кв. км, которая ни в одной части области не превышает 10 человек на кв. км, с приростом 1,25 млн. человек за пятилетие, т.е. 10,24%). Там расположено в общей сложности 10 колониальных городков, насчитывающих примерно 145 тыс. жителей, среди которых едва 7000 белых (причем результат выглядит еще слишком благоприятным в Дакаре – опорном пункте полетов: на 34 тыс. населения до 3 тыс. белых); для них характерна недостаточная жизнеспособность, отсутствующее обеспечение людей ответственной колониальной властью; давление населения направляется в южную половину континента, на окраину гилей. Такова колониальная картина, и только в результате очень сильного перемещения предприимчивого населения развивающейся страны можно было бы ожидать здесь плодов воспитания; без такого избытка вербуемой силы наступит откат назад. Следовательно, в этом случае действовал бы в роли спасителя более крупный союз с более сильным пополнением, сумевший в других случаях выступить в роли встречного потока для местных, более компетентных панобразований, – если он чувствует себя сильным и смотрит в будущее с достаточным оптимизмом.

Полезно произвести сходные разумные расчеты для государства Конго, Индонезии, а также для 1,5 млн. белых в Южной Африке в сравнении с быстро растущим большинством (20 млн.!) чернокожих и коричневых (индийцев)⁷, дабы понять угнетенное состояние (Beklemmung), которое вызывает у “лежащих и имущих” внезапно пробудившееся стремление к самоопределению у всех народов, и их готовность делить ответственность, а не прибыли внутри пансоюзов.

Доктор Оскар Ауст вполне справедливо сослался на чрезвычайно важный факт экономического и политического значения: а именно, что свыше 1 млрд. человек живут в тесноте на пространстве 11 млн. кв. км, т.е. примерно равном Сибири или Австралии с их убывающим населением. Этот факт больше, чем многие тома, объясняет, какие резервы пространства сумели обеспечить себе посредством бесцеремонных захватов Советский Союз на правах наследника

царей⁸ и Британская империя и как морально невозможно строить надолго панобразования или даже единственное пансооружение человечества на окостеневшем статус-кво, на плодах человеческой мудрости того преступного вида, которая царил в предместьях Парижа в 1919 г.⁹

Стало быть, решающим для будущего остается то, что построенные на такой основе пан-Азия или пан-Европа были бы творением оппортунистической сиюминутной лжи, лишенным какой-либо внутренней долговременной устойчивости.

Как мне кажется, вопреки этой трудности пантихоокеанское движение в противовес избегающей ответственности на этих полях Лиге Наций, вопреки всем ее советам должно вступить на единственный достойный будущего человечества путь под руководством лучших и мудрейших – путь свободного, равноправного разговора не о второстепенных, а именно об откровенно щекотливых, труднейших, по большей части спорных проблемах. В этом направлении пантихоокеанские встречи отличаются как день и ночь от того, что мне известно по европейским конгрессам. Доказательством этого служит то, каким образом Гриффит Тейлор разъяснял, понимает, брюзжащим в глубине души англосаксонским колониалистам в Шанхае проблему миграции в Тихом океане, или то, как отважились в Киото японцы, китайцы и русские пойти на обмен мнениями с глазу на глаз по вопросу о Маньчжурской железной дороге. Но перед этим форумом оказалось несостоятельным именно насилие в любой форме, и только взвешенное, доказуемое, нравственное внутреннее право имеет перспективы убедить испытанных представителей региональной совести, какая в Женеве должна быть совестью мира. И все же спросите участников тамошних конгрессов меньшинств, насколько реальность соответствует этой идеальной картине; вероятно, больше всего пока еще в Международном бюро труда (Weltarbeitsamt)¹⁰.

Однако к идеям панорганизации планеты и постоянной или преходящей будущей возможности региональных панобразований, как всегда, в Лиге Наций относятся либо как к стоящим рядом с ней, либо как к подчиненным ей. В качестве нынешней позиции твердо то, что крупная панидея – панамериканская, хотя и протестует против любого вторжения Лиги Наций в ее собственный регион, но в другие вмешивается как совокупность или же через своих мощнейших представителей, как еще совсем недавно более крупные латино-тихоокеанские государства Южной Америки также недвусмысленно подчеркивали свое право вмешательства в тихо-

океанские вопросы в противовес Японии и Китаю. Далее твердо и то, что представители паназиатской идеи относятся к Лиге Наций с глубочайшим недоверием, что пантихоокеанская идея преследует особые региональные миротворческие цели (совсем недавно это было подтверждено Томасом в Женеве), панафриканская идея в своем становлении ищет опоры прежде всего у противников колониализма, а следовательно, у противников пан-Европы в ее нынешнем обличье, но не питает полного доверия к пан-Америке – поскольку претворение в жизнь ее идей означало бы также упрочение господства белых в южной и центральноамериканской областях смешения рас.

Пан-Австралия, правда, как и Новая Зеландия, – член Лиги Наций, но однажды она уже угрожала выходом из нее при обсуждении спорного вопроса о ее границах и отвергает возникающие время от времени к ней претензии, отстаивая свой панхарактер ссылками на свой государственный суверенитет.

Итак, мы видим, что все без исключения организованные к настоящему моменту или готовые к организации панидеи витают в лимбе между планетарной организацией и национальными государственными образованиями народного духа (Völkshheiten), но внутри этого большого свободного пространства – почти все на разных плоскостях и с глубокими пересечениями. Исключение составляет панамериканская идея, современное положение которой можно было бы обозначить, скажем, в средней плоскости лимба панидей. Иные ищут будущее человечества на столь противоположных путях, что это может привести к трениям между паназиатской, панбританской имперской идеями и пантихоокеанскими компромиссными устремлениями, – а пан-Европа с колониальными придатками глубоко вторгается в любые зоны трений.

Из такого положения вещей вытекает всемирная гражданская обязанность – наилучшее просвещение, и не только по вопросу о нынешнем местоположении и контурах (статике) панидей, но и о направлении их движения (динамике) между национальной и действенной всемирной организацией. Этому помогают по ту сторону многих абсолютно себялюбивых устремлений все добросовестные распространители геополитического и международно-политического просвещения, которые, разумеется, часто прилагают большие усилия, отделяя в потоке новостей пшеницу от плевел.

Этому помогают такие простые и ясные ориентиры, как “Библиотека мировой политики”, в которой данное сочинение представляет собой один из краеугольных камней, такие

журналы, как “Geopolitik”, “Zeitschrift für Politik”, “Europäische Gespräche”, “Pacifik Affairs” (Гонолулу), “Новый Восток” (Москва), и многие другие – все было бы невозможно перечислить. К тексту присовокуплен краткий обзор источников, содержащий дополнительные данные о сочинениях по этому вопросу или же об особенно точных образцах соответствующего вида литературы.

Данный обзор, как и данный скромный том, дает лишь обозрение проблемы в ее нынешней многообразной форме. Но его предметы – как достойная цель нашего исследования – принадлежат к самым крупным и самым значительным формам, которыми может быть поглощено изображение занимающего огромное пространство человечества, состоящего из государствообразующих, организованных народов. Даже там, где мы ничего не можем изменить в превращении формы панидей, рассматривая их лишь с удивлением и глубоким благоговением как великие явления природы, там становится благородным занятием столь крупной темой в духе формирующихся фантазий и мира идей; на суше и на море оно воспитывает склонного к размышлениям наблюдателя и углубляет его взгляд на мир путем обозрения широкого пространства, которое открывает ему возможность идти по следам панидей и их трансформаций во времени и в пространстве.

Примечания

ⁱ (с.343) *Penck A.* Das Hauptproblem der physischer Antropogeographie // “Geopolitik”, 1925. S. 330–348.

¹ Инцухт (нем. Inzucht) – близкородственное скрещивание организмов. ² Форейтор (нем.) – верховой, сидящий на одной из передних лошадей, запряженных цугом.

³ В 1280 г. Китай целиком оказался под властью монголов. Китайским императором стал великий хан Хубилай монгольской династии Юань (1280–1368). Время правления этой династии было едва ли не самым тяжелым для Китая. Монголы были готовы истребить всех, кто отказывался добровольно сдаться; позже возник план истребить китайцев пяти самых распространенных фамилий. Эти чудовищные планы не были осуществлены благодаря киданину Елюй Чу-цаю, который был советником хана и настойчиво рекомендовал ему не уничтожать тех, кто может приносить регулярный доход.

⁴ См. примеч. 28. С. 264.

⁵ Автор имеет в виду решения Версальской конференции по поводу судьбы германских колоний См. примеч. 10. С. 13.

⁶ Куденхове-Калерги приводит такие данные:

человек	км ²	человек	км ²
“большая Европа”		Советский Союз	
431	25,6	145	22
“большая Америка”		Британская империя	
202	30,2	454	36,3
Восточная Азия			
508	11,78		

⁷ Автор имеет в виду то обстоятельство, что после бурской войны для освоения Южной Африки англичане завозили в эту страну в качестве рабочей силы индийцев. Именно в Южной Африке было начато М. Ганди движение “ненасильственного сопротивления”.

⁸ См. примеч. 49. С. 368–370.

⁹ Автор имеет в виду Версальский мирный договор 1919 г, а также Сен-Жерменский (с Австрией), Нейский (с Болгарией), Трианонский (с Венгрией), Севрский (с Турцией), т.е. совокупность договоров, положенных в основу системы международных отношений после первой мировой войны.

¹⁰ Международное бюро труда было учреждено при Лиге Наций Версальским договором. В течение всего периода существования Международного бюро труда (1920–1939) его деятельность ограничивалась принятием проектов всевозможных международных конвенций по охране труда – проектов, которые затем правительствами обычно не утверждались.

Источники и литература

I

Ratzel F. Pohtische Geographie. III. Aufl. München, 1923. Oldenbourg.

Maull O. Pohtische Geographie. Berlin, 1925.

Grabowsky A. Staat und Raum // “Die Weltpolitische Bücherei”. Bd 1.

Kjellen – Haushofer. Die Großmächte vor und nach dem Weltknege. Leipzig, 1930. 23. Aufl.

Bowman Isaiah. The New World Problems of political geography. 4. Aufl. London - Calcutta - Sidney, 1928.

Pan-Zeitungen und Zeitschnften: “Pan-Europa” (Wien), “Eurasia”, “Europäische Wirtschafts-Union” (den Haag), “Pacific Affairs” (Honolulu), “Nowui Wostok” (Moskau), “Alldeutsche Blätter”.

Danilewski N.J. Rußland und Europa. Stuttgart, 1920.

Sarkar Benoy Kumar. The Futurism of Young Asia. Berlin, 1922.

Amann G. Sun Yat Sens Vermächtnis. Berlin, 1928.

Coudenhove-Kalergi R.N. Pan-Europa; *Idem.* Kampf um Pan-Europa. Wien.

Taylor G. The Evolution of capital // Roy. Geogr. Soc. Journ. XLIII.

Strupp, Dr. Karl. Panismus (“Frankf. Ztg.” 7.III.1927, “Pan-Europa”. VI.1929); *Idem.* Wörterbuch des Völkerrechts.

млн. в млн. млн. в млн.

Haushofer K. Das erwachende Asien // Süddeutsche Monatshefte. 1926, München.

Hagemann W. Das erwachende Asien. Berlin, 1925.

Spender J.A. The Changing East London, 1926.

Hohtscher A. Das unruhige Asien. Berlin, 1926.

Close Upton. Die Emporung Asiens. Zürich, Amalthea, 1927.

II

Beazley R. Pan-Germamsmus und Pan-Slawismus // "Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung" Marz, 1930.

Coudenhove-Kalergi R.N. Kampf um Pan-Europa, v. o.

Das Dr Taraknath. Pan-Asianismus, Asian Independence and World Peace Handschr. Sun Yat Sen, Wellington Koo, M Toyama, Graf Komura, Okuma, Makina als Pan-Asiaten würdigend.

Clauss M. Deutschlands europäische Stunde // Europäische Revue, 1930, Heft.

Grabowsky A. Das Problem Pan-Europa // Zeitschnft für Pohtik. Bd XVIII, Das werdende Europa // Frankf. Ztg. 7.XII.1926.

Haushofer K. Sudost-Asiens Wiederaufstieg zur Selbstbestimmung. Berlin, 1923. K. Vowinkel.

Katz R. "Europa?" "Asien?" // Voss. Ztg. 13.X.1929, "Asien erwacht?" Nein! "Europa schläft ein!" // Voss. Ztg. 7.IV.1929.

Schüßier W. Pan-Europa // "Wille und Weg". Berlin, 1925, Nr. 10.

Tatarin-Tarnheyden. Pan-Europa als weltpohtisches und staatsrechthches Problem // Ernte. Hannover, 1928, Heft 11.

Timaschew N. Die politische Lehre der Eurasier // Zeitschnft für Pohtik, XVII.

III

Geisslei Dr. Walter. Austrahen, Ozeanien. Leipzig, 1930. Lit.

Gregory J.W. Australia. London, 1916.

Taylor G. Australia in its physiographic and economic aspects. 1925, *Idem.* Environment and Race. London u. Oxford, 1927.

Jäckh E. Amenka und Wir. 1929, *Idem.* Pan-Amenka // "Economist", London, 21.I.1928.

Verhandlungen des I. bis VI. panamenkanischen Kongresses, "Manchester Guardian", 13.I.1928, DAZ. 13.I.1928.

Verhandlungen d. I. bis II.I panpazifischen Kongresses, "Pacific Affairs" und "Transpacific". Tokyo. 6.XI.1926.

Haushofer K. Geopohtik des Pazmsdien Ozeans. II. Aufl. Berlin, 1928.

Verhandlungen des I. und II. panasiatischen Kongresses, "Transpacific". Tokyo, 7.VIII.1927; "Norht China Herald", 5.XI.1926, "Vossische Zeitung", 31.XII.1926.

"Pan-Europa", fortlaufend seit 1924.

Banse E. Geographie // "Petermanns Mitteilungen". 1912. Bd I.

Sievers. Transamenkanische Längsbahn // "Petermanns Mitteilungen". Gotha, 1900.

IV

Wütschke J. Der Kampf um den Erdball. München, 1922. Oldenbourg.

Rohde H. Der Kampf um Asien. Bd I. und II. Stuttgart, 1924.

Kohn H. Geschichte der nationalen Bewegung im Orient. Berlin, 1928.

Toynbee Arnold J. The Islamic World since the Peace Settlement. Oxford Un. Press, 1927.

Stoddard L. The New World of Islam. New York, 1928.

"Der koloniale Freiheitskampf", fortlaufend, Berlin u.a. Nr 2, 3, 4.

Huang Fu (General) Panpacific // "North China Herald", 5.V.1928.

Kumataro Honda. Japans first line of defence. Gonsuke Hayashi, endl.

Takeo Kikuchi. Manchuria a daughter of Japan // "Samthche North China Herald", 25.VIII.1928.

Großchinesische Literatur, vgl. Bd 17 "Weltpohtische Bücherei": *Menz H.* China.

Holcombe A.N. The Chinese Revolution. Cambridge, Mass., USA, 1930.

Allindische Literatur, vgl. Bd 14 "Wfelpohtische Bücherei": *Glasesnapp G* Bntisch-Indien und Ceylon; *Simon J.* "Indian". Report, London, VI, 1930, Auszug a.u. "Times" vom 10.VI.1930.

Großjapanische Literatur, vgl. *Haushofer K.* Dai Nihon. Berlin, 1913 Mittler & Sohn; "Japan Reich". Wien, 1920; "Japan und die Japaner". Leipzig, 1923, seit 1927 "Pacific Affairs", ferner *Lederer*; Japan – Europa.

Lessing Th. Europa und Asien. Leipzig, 1930.

V

Lautensach H. Die Mittelmeere als geopohtische Kraftfelder // "Geopolitik". 1924. I. Erweitert mit Karten in "Bausteine zur Geopohtik". Berlin, 1928.

Haushofer K. Geopohtik des Pazifischen Ozeans. II. Aufl. Berlin, 1928.

Ballard G.A. Admiral. Rulers of the Indian Ocean. London, 1927.

Anstey V. The Trade of the Indian Ocean. London, 1929.

Fairgneve J. Geographie und Weltmacht. Berlin, 1925.

März J. Landmächte und Seemächte // "Weltpohtische Bücherei". Bd 10.

Ratzel F. Das Meer als Quelle der Völkergroße. München, 1900.

VI

Mackinder. The geographical pivot of history. London, 1904. Geogr. Roy. Soc.

Fairgrieve J. Geographie und Weltmacht. Kurt Vowinkel Verlag. 1925.

Bowman J. The New World. Problems of political geography. London – Sidney – Calcutta, IV. Aufl. 1929.

VII и VIII

Augustinus Hl. De civitate dei.

Dante und Dubois. Peter, v.o.

Kukelhaus. Der Ursprung des Planes vom ewigen Frieden (1604) in den Memoiren des Herzogs von Sully. Berlin, 1893.

Saint-Pierre Ch. J.C. de. Projet de paix perpetuelle. Utrecht, 1713.

Okakura Kakuzo. Ideals of the East.

Mommsen Dr. W. Vereinigte Staaten von Europa // "H.M.B. Blätter". Halberstadt, 1926. Juli, August.

Lytton Lord. Indias doubts of the league. Genf, Budget Verhandl. "not much value to eastern countries".

Kjellen – Haushofer. Die Großmächte vor und nach dem Weltkriege. 3. Aufl. Leipzig, 1930.

Howard-Ellis C. Origin. Structure and Working of the League of Nations. London, 1926.

Schubert W.F. Völkerbund und Staatssouveränität. Berlin, 1929.

IX

Penck Al. Das Hauptproblem der physischen Anthropogeographie // “Geopolitik”, 1925.

Aust O. Die vernunftwidrige Verteilung des Erdballs und Weltreichums // “Völkrecht”, 22.V bis 11.VI.1929.

Grabowsky A Zur kolonialpolitischen Problematik // “Zeitschrift für Politik”, Bd XIX.

Fischer A. Zur Frage der Tragfähigkeit des Lebensraumes // “Geopolitik”, 1925.

Napoleon I. Pan-Europa Programm vom 22. April 1815 // Corr. Napoleon u.a.o.

Spengler O. Tapferer Pessimismus. Vortrag in Hamburg, 4.II.1930. Imperialismus. Wien – Berlin, 1930.

Rado A Atlas für Politik, Wirtschaft, Arbeiterbewegung. I. Der Imperialismus. Wien – Berlin, 1930.